

Исследовательская конференция

4-5 марта 2021 года

Аннотации к избранным работам

Цифровая трансформация в Центральной Азии: вызовы и уроки	2
Налогообложение электронной торговли в Центральной Азии: текущее состояние и возможности.....	3
Стимулирование финансовых технологий для удовлетворения потребностей в торговом финансировании в ЦАРЭС.....	4
Приспособляемость к дистанционному режиму работы в Пакистане	5
Изучение перспектив энергетического сотрудничества между КНР и Пакистаном	6
Воздействие COVID-19 на нефтяной сектор Азербайджана: уроки для политики.....	7
Сетевой анализ акций туристических компаний в регионе ЦАРЭС во время COVID-19	8
COVID-19 и приемлемый уровень долга в ЦАРЭС.....	9
Воздействие COVID-19 на устойчивое развитие городов: опыт Кабула.....	9
Видение Казахстаном возможностей в АСЕАН после COVID-19	11

Цифровая трансформация в Центральной Азии: вызовы и уроки

Фаррух Хакимов и Шавкат Алимбеков (Центр стратегии развития Узбекистана) провели анализ приоритетов и проблем цифрового развития пяти стран Центральной Азии: Узбекистана, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Туркменистана.

Они описывают национальные программы цифровизации, которые называются «Цифровой стратегией» в трех из пяти стран: «Цифровой Казахстан» на 2018–2022 годы, «Цифровой Кыргызстан» на 2019–2023 годы и «Цифровой Узбекистан - 2030», в то время как Таджикистан и Туркменистан определили приоритетность своих программ цифровой трансформации в рамках более широких программ национального развития и / или цифровой экономики.

В Узбекистане, где доступ к Интернету неравномерен, доля цифровой экономики в ВВП составляет всего 1,8%, 70% из 700 государственных информационных систем не интегрированы с платформой электронного правительства, и только 27 агентств предоставляют услуги через национальную систему оказания государственных услуг. Авторы утверждают, что меры по карантину и сдерживанию COVID-19 ускорили реализацию цифровых стратегий в Узбекистане и других государствах Центральной Азии.

Авторы цитируют ОЭСР, которая отметила, что Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан усилили меры по цифровизации в 2020 году. Кыргызстан перевел более 80 государственных услуг в онлайн формат через инициативу «Тундук», в то время как Узбекистан ускорил развитие онлайн обслуживания по принципу «одной остановки» и других электронных услуг. Правительство Узбекистана также открыло колл-центр, чтобы помочь участникам внешнеэкономической деятельности в удовлетворении их запросов, и использовало этот момент для расширения цифровизации таможенных и торговых процедур, что помогало поддерживать внешнеторговые потоки. В Казахстане Министерство здравоохранения потребовало от граждан, находящихся в карантине, использовать приложение для отслеживания «SmartAstana», которое позволяет чиновникам гарантировать, что эти люди остаются в изоляции, в то время как Министерство внутренних дел использовало технологию видеонаблюдения «Сергек» для поиска нарушителей карантинного режим в г. Алматы.

Авторы обнаружили общие препятствия на пути развития электронного правительства в Центральной Азии, такие как цифровой разрыв, неудовлетворительная инфраструктура ИКТ, дорогостоящий доступ в Интернет, дефицит квалифицированных государственных служащих, низкая цифровая грамотность граждан и низкий уровень доверия общества к цифровым документам и услугам. В результате спрос на электронные услуги невелик. Они также считают, что отсутствие цифровой базы международных договоров и недостатки в цифровизации законодательной базы препятствуют доступу бизнеса к законодательным актам и сдерживают создание инновационных систем управления и разработку новых и уникальных продуктов.

Авторы утверждают, что развивающимся странам с ограниченным фискальным пространством необходимо расставить приоритеты в ресурсах и усилиях, сосредоточив их в областях с наибольшим воздействием. Инвестиции в цифровую инфраструктуру, технологии и услуги не только помогут странам подготовиться к будущим шокам, но и определяют пути ускорения инклюзивного роста. Расширение доступа к недорогим интернет-соединениям и обеспечение безопасности данных и вычислительной инфраструктуры являются основными цифровыми инструментами, способствующими развитию государственных электронных платформ, цифровых финансовых услуг, цифровых навыков и новых инновационных бизнес-моделей во всех секторах.

Налогообложение электронной торговли в Центральной Азии: текущее состояние и возможности

Г-н Николай Милоголов, главный научный сотрудник Центра налоговой политики Института финансовых исследований, изучил текущее состояние и возможности реформирования налогообложения электронной торговли в Центральной Азии. Он провел сравнительный анализ инфраструктуры е-торговли, развития налогового администрирования и общего экономического развития четырех стран Центральной Азии: Кыргызстана, Казахстана, Узбекистана и Таджикистана.

Автор выделяет большой разрыв между Казахстаном и другими странами. Этот разрыв можно наблюдать на уровне соответствующих возможностей налогового администрирования, размера рынков цифровых услуг и развития национальной инфраструктуры е-торговли.

В своей работе он отмечает, что Таджикистан имеет наименее развитую систему налогового администрирования, занимая 139-е место в мире из-за номинальной налоговой нагрузки на бизнес в двое больше, чем в трех других странах. Кыргызстан стремится упростить свою налоговую систему, которая все еще является довольно сложной и обременительной для налогоплательщиков.

В Узбекистане определение электронной торговли шире, чем в Казахстане, поскольку электронная торговля включает не только товары (как в Казахстане), но и услуги. В Узбекистане также установлен более низкий порог доли дохода от электронной торговли в общем доходе - 80%, в то время как порог в Казахстане составляет 90%, чтобы бизнес имел право на особые налоговые условия. Поскольку система Узбекистана была введена через два года после системы Казахстана, это может указывать на то, что существует международная налоговая конкуренция в Центральной Азии за предприятия е-торговли между крупнейшей и второй по величине экономиками.

Согласно Национальному реестру 72 узбекских малых предприятия подали заявки на применение режима электронной торговли по состоянию на 26 декабря 2020 года. Автор предполагает, что это довольно скромный результат, особенно с учетом контекста пандемии 2020 года, которая подтолкнула малый бизнес к внедрению е-торговли.

Он рекомендует инвестировать в наращивание цифрового потенциала налоговых органов, как предпосылки для сотрудничества с платформами электронной торговли в борьбе с теневой экономикой, а также ввести налог на цифровые услуги на основе гармонизированной региональной модели. Это позволило бы найти оптимальный баланс между мобилизацией налоговых поступлений для финансирования восстановления экономики после COVID-19 и созданием простых и понятных условий для работы иностранных цифровых платформ в этих странах. По мнению автора, привлечение зарубежных платформ в местную экономику имеет решающее значение для цифровой трансформации малых и средних предприятий, и может частично компенсировать их потери, вызванные ограничениями из-за COVID-19.

Стимулирование финансовых технологий для удовлетворения потребностей в торговом финансировании в ЦАРЭС

Д-р Минсу Ли (АБР) провел анализ доступа к финансовым услугам в регионе ЦАРЭС. В его работе представлен анализ перекрестного набора данных по компаниям за четыре периода и различные факторы, вызывающие отказ в торговом финансировании, что в значительной степени влияет на потребности более мелких предприятий.

По оценке Всемирной торговой организации, в настоящее время торговое финансирование обеспечивает около 80-90% международной торговли. Во всем мире неудовлетворенный спрос на торговое финансирование достиг 1,5 трлн долл США в 2017 году и, как ожидается, вырастет до более чем 2,4 трлн долл США к 2025 году (ВЭФ, и Vain & Company, 2018). В 2018 году 57% заявок на финансирование торговли, поданных предприятиями в странах в ЦАРЭС - в основном в Кыргызстане и Пакистане - были отклонены, почти половина из которых больше не ищет альтернативного финансирования, в целом отказавшись от потенциально жизнеспособной торговой деятельности.

Заявки на торговое финансирование от небольших предприятий часто отклоняются из-за высоких предполагаемых затрат и рисков, связанных с отсутствием достаточного обеспечения или гарантий, отсутствием истории отношений с финансовыми учреждениями, а также неудовлетворительной кредитной историей или историей деятельности. Для кредиторов небольшие транзакции связаны с высокими транзакционными и информационными издержками, поскольку необходимо строго соблюдать международные правила и стандарты, такие как борьба с отмыванием денег и знание своего клиента (Know Your Customer). Страновые факторы, такие как отсутствие отношений с банками-корреспондентами, усугубляемое уходом крупных глобальных банков из развивающихся стран из-за предполагаемого риска ведения бизнеса, также влияют на успех использования торгового финансирования.

В частности, наибольший спад наблюдается в Таджикистане, который с 2011 по 2019 годы потерял более половины корреспондентских отношений с банками. За ним следуют Афганистан, Азербайджан и Казахстан, где такие отношения сократились более чем на 30%. Грузия, похоже, пережила глобальную тенденцию, позволив за тот же период вырасти своим корреспондентским отношениям почти на 20%.

Этот разрыв еще больше усугубляется отсутствием национальных экспортно-кредитных агентств во многих странах ЦАРЭС, таких как Афганистан, Азербайджан, Грузия, Кыргызстан, Монголия, Таджикистан и Туркменистан.

Дефицит торгового финансирования, не позволяющий некоторым предприятиям торговать и выходить на рынки, имеет последствия для инвестиционных потоков и финансовой инклюзии, которые могут повлиять на будущий экономический рост и развитие. Поиск решений для преодоления разрыва будет способствовать динамичному развитию бизнеса, усиливая способность даже небольших фирм извлекать выгоду из перераспределения производства и инвестиций в рамках глобальных цепочек поставок.

Д-р Ли обсуждает возможные решения для устранения дефицита торгового финансирования с помощью финансовых технологий. Он утверждает, что цифровые технологии в финансовых услугах делают управление рисками более эффективным, упрощают транзакции на больших расстояниях и с большей скоростью, позволяют совершать транзакции без зависимости от личных отношений и повышают прозрачность. Использование технологии распределенного реестра позволяет повысить рентабельность и эффективность цепочек поставок за счет замены

сложных бумажных процедур. Использование технологии блокчейн может улучшить поток информации и преодолеть проблемы с соблюдением нормативных требований.

Среди стран ЦАРЭС КНР оказалась на продвинутой стадии финансового развития как в традиционных, так и в высокотехнологичных секторах. Объем рынка альтернативного финансирования в КНР составил 215,4 млрд долл США, что составляет более половины мировой индустрии альтернативного финансирования, обеспечивающей объем транзакций в размере 304,5 млрд долл США. В 2018 году сектор альтернативного финансирования Грузии обеспечил объем транзакций примерно на 193 млн долл США, за ним следуют Казахстан (87 млн долл США) и Монголия (38 млн долл США). В остальных странах-членах объем транзакций составляет менее 10 млн долл США, с самым низким показателем зафиксированным в Афганистане (184 479 долл США) и Азербайджане (2222 долл США).

Автор рекомендует странам-членам ЦАРЭС сосредоточить внимание на создании собственной основы финансовых технологий; укрепить ИКТ и цифровую инфраструктуру; обеспечить качественное регулирование (например, кибербезопасность и другие технические уязвимости, управление данными и защита конфиденциальности) и расширить возможности инклюзивной торговли и финансов. Он также рекомендует странам ЦАРЭС воспользоваться поддержкой АБР в виде гарантий и займов в рамках его программы финансирования торговли и цепочки поставок для стимулирования международной торговли.

Приспособляемость к дистанционному режиму работы в Пакистане

Д-р Умер Халид и д-р Любна Шахназ (Институт политики, исследований, инноваций, развития и образования) провели анализ данных Пакистана о способности жителей адаптироваться к работе на дому.

В их исследовании представлена оценка доли несельскохозяйственной рабочей силы Пакистана, которая потенциально может работать из дома, с использованием репрезентативных на национальном уровне данных из «Обследования уровня жизни населения Пакистана» за 2018-19 гг. Измеряя возможность работы из дома на основе способности работника пользоваться компьютерами и участия в домашней работе, результаты исследования показывают, что около 15% несельскохозяйственной рабочей силы в Пакистане могло бы работать из дома, в том числе 9%, которые могут пользоваться компьютерами, и 5,3% работающих на дому.

Общая занятая рабочая сила Пакистана в возрасте 10 лет и старше в 2017-18 годах составляла 61,71 миллиона человек. Большую часть занятой рабочей силы в стране составляют мужчины - 78% (48,17 млн чел), и только 22% (13,54 млн чел) - женщины. Большая часть трудовых ресурсов занята в сельскохозяйственном секторе - 38,6%, в то время как 61,4% (37,9 млн человек) работает в несельскохозяйственном секторе. Из 37,9 миллиона несельскохозяйственных рабочих в стране подавляющее большинство (72%) задействованы в неформальной экономике, и только 28% - в формальном секторе и пользуются той или иной формой социальной защиты со стороны работодателя.

Наибольшая занятость в несельскохозяйственном секторе приходится на производственный сектор (9,91 млн чел), за которым следуют оптовая и розничная торговля (9,21 млн чел) и общественные, социальные и индивидуальные услуги (9,11 млн чел); в то время как в секторах строительства и транспорта, хранения и коммуникации занято 4,7 миллиона и 3,82 миллиона человек, соответственно.

Дальнейший анализ показывает, что использование устройств ИКТ значительно выше у лиц, живущих в домашних хозяйствах, в двух верхних квинтилях расходов. Результаты многомерного анализа показывают, что вероятность удаленной работы из дома выше для молодежи и людей среднего возраста, людей, живущих в городских районах и в небольших районах нуклеарных семей. Образование является надежным показателем способности работать дистанционно - лица с высшим образованием имеют более высокую вероятность работать из дома. Офисные служащие с большей вероятностью будут работать из дома по сравнению с работниками низкоквалифицированных профессий.

В работе делается вывод о том, что инвестиции в развитие инфраструктуры ИКТ для повышения производительности рабочей силы страны являются важной областью политических действий.

Изучение перспектив энергетического сотрудничества между КНР и Пакистаном

Льв Чжипин и Ли Цзиньхан (Синьцзянский финансово-экономический университет) изучили вопросы восстановления экономики Пакистана после COVID-19 и перспектив сотрудничества КНР и Пакистана в области энергетики.

В своей работе авторы утверждают, что экономический рост обусловлен «тройкой»: инвестициями, экспортом и потреблением. Далее они рассматривают низкий уровень сбережений в Пакистане, который ограничивает внутреннее потребление, ситуацию с безопасностью, что подрывает доверие иностранных инвесторов, валютные резервы Пакистана, составляющие менее 20 млрд долл США, среднегодовые ПИИ в размере 2 млрд долл США, экспорт текстильной промышленности, на который приходится 40% стоимости промышленного производства страны, инвестиции Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК), которые обеспечили более 30% иностранных инвестиций в Пакистан, начиная с 2015 года, бремя внешнего долга, ситуацию с энергетикой, практикой корпоративного налогообложения и варианты развития с учетом контекста.

По мнению авторов, Пакистан уже давно испытывает нехватку энергии, и его структура энергопотребления серьезно несбалансирована для удовлетворения потребностей более чем 9,6 миллиона потребителей страны. Пакистан импортирует дорогую нефть и газ в основном для выработки электроэнергии на угле, что ложится огромным бременем на государственные финансы и способствует ухудшению бюджетного дефицита. Общая установленная мощность всех типов электростанций в Пакистане составляет 33 500 мегаватт, из которых 61% приходится на тепловую энергию, 29% - на гидроэнергетику, 6% - на возобновляемые источники энергии и 4% - на атомную энергетику.

По оценкам, энергосистема Пакистана теряет 20% в линиях передачи и распределения, и есть задолженность по платежам за использование энергии. Авторы указывают, что с учетом того, что 74% проектов энергетического сотрудничества КНР являются проектами по производству электроэнергии, проблема просроченной задолженности между энергогенерирующими предприятиями и поставщиками энергии может негативно повлиять на капиталовложения в будущие проекты.

Хотя Пакистан имеет широкие возможности в области чистой энергии, в целом этот сектор развит слабо. Развитие ветровой и солнечной энергетики только началось, и потребности в инвестициях значительны, а срок службы составляет всего около 25 лет. Авторы утверждают, что Пакистан серьезно пострадал от изменения климата, и его последствия, вероятно, усугубятся из-

за продолжения использования ископаемого топлива. Эффективное использование возобновляемых источников энергии может повысить уровень электрификации страны, ускорить экономическое развитие, декарбонизировать энергосистему и помочь Пакистану выполнить свои обязательства по Парижскому соглашению. В документе упоминается, что в рамках КПЭК было завершено восемь энергетических проектов, которые в настоящее время обеспечивают более 3640 МВт энергии в национальную сеть Пакистана. Кроме того, в стадии строительства находятся несколько проектов по возобновляемым источникам энергии общей мощностью 5094 МВт.

Факторы, влияющие на инвестиции, включают тяжелое бремя внешнего долга Пакистана, составляющее 104,3% ВВП в 2020 году, и тяжелое налогообложение предприятий с обременительным документооборотом, на которое, по оценке ОЭСР, в среднем уходит 594 рабочих часа и 47 платежей, в то время как странам ОЭСР требуется всего 175 часов и 12 платежей.

Авторы также утверждают, что КПЭК может модернизировать экономическую инфраструктуру Пакистана, улучшить его транспортные и логистические условия и сделать Пакистан географическим портом въезда и торговым районом для китайских энергоносителей. Воспользовавшись этой возможностью, КНР может передать часть своей нефтеперерабатывающей промышленности Пакистану и объединить ее с текстильной отраслью Пакистана для содействия развитию промышленной экономики Пакистана. Для этого предлагается улучшить систему производства энергии, наладить энергетическое сотрудничество в области цифровых финансовых услуг, изучить финансовую систему энергетики с участием рынка капитала и способствовать влиянию энергетической отрасли на экономику.

Воздействие COVID-19 на нефтяной сектор Азербайджана: уроки для политики

Д-р Ульвийе Санили Айдын, Университет Маниса Джелал Баяр (Турция), анализирует влияние COVID-19 на нефтегазовый сектор Азербайджана и адаптацию страны к условиям новой реальности.

По ее словам, более 90% экспорта Азербайджана составляют нефть и природный газ (Азербайджан входит в число 24 крупнейших производителей нефти, при этом в 2019 году в Азербайджане добывалось 0,8% из примерно 95 миллионов баррелей нефти в день). Таким образом, любые колебания и предложения цен на нефть имеют прямое влияние на экономику страны. Д-р Айдын предполагает, что в ближайшем будущем COVID-19 продолжит негативно влиять на нефтегазовую промышленность Азербайджана. Однако в долгосрочной перспективе новая нормальность приведет к реструктуризации и трансформации экономики, побуждая государство к диверсификации и открытию новых источников возобновляемой энергии с использованием доходов Государственного нефтяного фонда.

Автор видит возможности в подготовке рабочей силы к цифровой эре, увеличении доли возобновляемых источников энергии в экономике, открытии экономики для частного сектора и оживлении сельского хозяйства, которое произвело значительные объемы шелка, шерсти, хлопка-сырца, винограда, чая, и фрукты в прошлом.

Сетевой анализ акций туристических компаний в регионе ЦАРЭС во время COVID-19

Г-н Фахим Аслам (Университет Комсатс, Пакистан), проанализировал динамические изменения финансовых сетей акций туристических компаний в связи с COVID-19, используя данные за период с 1 июля 2019 года по 10 ноября 2020 года. Он применил комплексную теорию сети для анализа динамики 55 туристических акций, зарегистрированных в КНР (у других стран-членов ЦАРЭС не имелось акций туристических компаний, котирующихся на фондовой бирже).

Автор оценивает изменения в сети акций туристических компаний, разделив их на пять различных категорий (отели и общественное питание, туристические агентства, транспорт, авиаинии и круизные линии). Затем он анализирует изменения в сети с развитием COVID-19. В его исследовании конструируются и количественно оцениваются вариации в сетевых структурах, с разделением временной шкалы на три подпериода: S1 (с 01 июля 2019 года по 31 декабря 2019 года) до пандемии, S2 (с 01 января 2020 года по 07 апреля 2020 г.) пиковые периоды пандемии, и S3 (с 8 апреля 2020 г. по 10 ноября 2020 г.) - время, когда пандемия была взята под контроль.

Он обнаруживает значительное изменение корреляции в периоды S1 и S2 с усилением связи во время пикового спреда, особенно в акциях компаний, занимающихся гостиничным бизнесом и кейтерингом, наряду с увеличением пар корреляций туристических агентств. Сетевой анализ показывает, что до вспышки COVID-19 индустрия туризма была наименее связанной, но взаимосвязь между акциями туристических компаний усилилась на пике COVID-19 и уменьшилась после фазы пика. Среди акций, транспортный сектор играл жизненно важную роль в течение этих трех временных периодов в зависимости от степени, промежуточности и близости центральных позиций.

Автором обнаружены семь разных сообществ, в которых до вспышки пандемии COVID-19 находилось самое большое сообщество отелей, предприятий общественного питания, транспортных и туристических агентств с акциями транспортных компаний в центре. В пиковое время акции компаний транспортных средств и круизных лайнеров служат мостом между акциями других категорий туристических компаний. Наконец, после пикового времени результаты показывают пониженный уровень связанности по сравнению с пиковым периодом.

Автор предполагает, что эти результаты могут помочь регулирующим органам и практикам во всем мире в разработке эффективных стратегий с учетом меняющейся динамики фондового рынка. В частности, регуляторы фондового рынка в индустрии туризма должны включать скоординированную и комбинированную политику, чтобы можно было устранить аномальные колебания доходности туристических акций. Помимо этого, эти статистические результаты дают возможность как отечественным, так и иностранным инвесторам составить оптимальные портфели и принять стратегии снижения рисков. Результаты также предполагают, что шансы на диверсификацию портфеля снижаются во время пандемии, тогда как вероятность более высокой диверсификации присутствовала до COVID-19. С другой стороны, инвестиционные менеджеры могут использовать информацию о туристических акциях нескольких категорий при разработке стратегий парного трейдинга, наблюдая за параллельной динамикой выбранных категорий. Кроме того, прикладная топологическая сеть поможет менеджерам портфелей в разработке диверсифицированных категориальных портфелей.

COVID-19 и приемлемый уровень долга в ЦАРЭС

Д-р Насим Фараз (Пакистанский институт экономики развития) представил исторический обзор накопления долга в ЦАРЭС, проанализировал влияние COVID-19 на уровень долга и рассмотрел сценарии достижения приемлемого уровня задолженности.

Д-р Фараз отметил, что несколько стран ЦАРЭС испытывали значительные колебания в объемах задолженности в 1990-2001 гг., главным образом из-за согласия США оказывать помощь странам Центральной и Восточной Азии в либерализации их экономик в 1990-е годы. Вторая волна долга произошла во время мирового финансового кризиса, который нарушил банковское финансирование в 2007–2009 годах. Этот кризис толкнул Пакистан, Грузию, Казахстан и Монголию в рецессию, что в конечном итоге привело к нулевому или отрицательному росту ВВП.

Он также утверждает, что, хотя внешние шоки обычно вызывают финансовый кризис, его влияние на экономику отдельных стран в значительной степени зависит от основ внутренней политики и решений. С точки зрения макроэкономической теории, государственный долг для финансирования расходов должен иметь положительное влияние на экономический рост, если деньги тратятся на производственный сектор. Затем автор анализирует несколько параметров в ЦАРЭС, а именно: обслуживание внешнего долга, выплата процентов по внешнему долгу, обслуживание долга в отношении ВВП и обслуживание долга в процентах от ВВП, процент обслуживания долга от экспорта, процент обслуживания долга в резервах, причины возникновения долга, сальдо текущего счета, обменные курсы, гранты, прямые иностранные инвестиции (приток) и т. д.

В числе примеров автор указывает, что Пакистан накопил новый долг на сумму более 10 млрд долл США во время пандемии. Отношение долга к ВВП Пакистана было самым высоким в ЦАРЭС - 86% в 2019 году. Оно увеличилось до 88% в 2020 году. Был представлен сценарий, при котором Пакистан может достичь фискальной ответственности и предела долга в объеме 60% к 2030 году при 10%-м росте ВВП.

В недавнем прошлом государственный долг Кыргызстана составлял примерно 68% ВВП, увеличившись с 54% в 2019 году до 68% ВВП в 2020 году. По оценке автора отношение долга к ВВП снизится с 68% до устойчивых 60% к 2030 году, если правительство будет поддерживать первичное сальдо близким к нулю, реальная ставка вознаграждения не выйдет за историческое значение, а рост ВВП достигнет 12%.

Д-р Фараз внес предложения о создании благоприятной для инвестиций среды в ЦАРЭС.

Воздействие COVID-19 на устойчивое развитие городов: опыт Кабула

Г-жа Мадина Юнусова (Университет Центральной Азии) и г-жа Сания Солтыбаева (Институт экономических исследований при Министерстве национальной экономики Республики Казахстан) оценили влияние COVID-19 на устойчивое городское развитие неформальных поселений в Кабуле с точки зрения (i) городской гигиены и доступа к воде и санитарии и (ii) доступа к жилью, земле и правам собственности. Результаты показывают, что успех любой инициативы по развитию неформальных поселений зависит от уровня поддержки и участия местного сообщества.

Для этого исследования авторы принимают теоретическую основу, объединяющую три ЦУР (ЦУР 11 – «Устойчивые города и сообщества», ЦУР 3 – «Хорошее здоровье и благополучие», ЦУР 6 – «Чистая вода и санитария»). Они полемизируют против подходов «сверху вниз», принудительного переселения и сноса сооружений, и выступают за принятие подходов «снизу вверх» и социально справедливых подходов.

Примерно 70% жителей Кабула живут в неформальных поселениях (ООН-Хабитат выявила 54 неформальных поселений в 2020 году). К таким жителям относятся городская беднота, сельские мигранты, вернувшиеся беженцы и люди, перемещенные в результате конфликтов или стихийных бедствий. Жители покупают землю путем заключения договоров Урфе (обычных договоров), не осознавая, что они заключают неофициальные сделки.

В 2018 году средний годовой доход домашнего хозяйства в Центральном / Кабульском регионе оценивался в 2400 долларов США, тогда как стоимость официального жилья составляла от 30 000 до 500 000 долларов США в зависимости от размера и местоположения. Таким образом, стоимость жилья превышает средний годовой доход семьи более чем в 12 раз, тогда как по оценкам ОЭСР «доступное» жилье не должно превышать годовой доход соискателя ипотеки в 3,5 раза.

Во время пандемии социальное дистанцирование или самоизоляция стали роскошью для городской бедноты, живущей в густонаселенных неформальных поселениях. Кроме того, текущие методы удаления сточных вод создают значительные риски биологической опасности и способствуют распространению COVID-19 в неформальных поселениях, а мытье рук стало непрактичным из-за отсутствия надлежащего доступа к чистой воде и санитарии.

Подземные воды являются основным источником водоснабжения в Кабуле, от которого зависит около 70% городского населения. Предполагаемая доступность подземных вод в Кабуле составляет приблизительно 44 млн м³ в год, что достаточно для снабжения только 2 миллионов жителей при скромном потреблении на душу населения 50 л в день. В Кабуле, где проживает более 6 миллионов человек, более 80% городских жителей испытывают трудности с доступом к питьевой воде. Непрерывный частный забор подземных вод растущим числом жителей приводит к снижению уровня подземных вод из-за отрицательного баланса между естественным пополнением и нерегулируемой добычей.

В 2011 году был предложен Генеральный план развития города Кабул, который включал рекомендации по модернизации неформальных поселений, но предлагаемые изменения не учитывали локальные ресурсы и возможности.

Авторы приходят к выводу, что пандемия COVID-19 стала триггером для переоценки роли неформальных поселений в устойчивом городском развитии. Эти поселения представляют собой городские пространства со значительным риском для здоровья населения, требующие особого внимания со стороны правительства в отношении городской гигиены. Ситуацию с неформальными поселениями нельзя упускать из виду, если правительства стран Центральной Азии хотят защитить своих граждан.

Видение Казахстаном возможностей в АСЕАН после COVID-19

Д-р Алессандро Ардуино (Национальный университет Сингапура) изучил восприятие Казахстаном АСЕАН и как это может сказаться на потенциальном сотрудничестве в регионе. Г-н Ардуино утверждает, что важно понимать, как Юго-Восточная Азия воспринимается на местном уровне как правящими элитами, так и местным населением, чтобы понять, как Центральная Азия могла бы развиваться и объединяться как регион с точки зрения торговли, инфраструктуры и инвестиционного маяка для АСЕАН.

По его оценке, экономическое сотрудничество и интеграция логистической сети АСЕАН с Евразией через Казахстан представляет собой малоизученную возможность, и политическая, коммерческая и аналитическая элита Казахстана воспринимает АСЕАН как важный и большой рынок для доступа с населением около 656 млн человек и совокупным ВВП в размере 3,166 млрд долл США. Кроме того, автор упоминает Соглашение о свободной торговле Вьетнама (ССТ) с Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС), членом которого является Казахстан с председательством в 2021 году, а также Индонезию, Камбоджу и Таиланд, подписавшие меморандумы о сотрудничестве с Евразийской экономической комиссией (ЕЭК), исполнительным и регуляторным органом ЕАЭС.

Далее согласно работе д-ра Ардуино, казахстанская элита проявила особый интерес к экономическому сотрудничеству с Вьетнамом в области производства сельскохозяйственных и животноводческих продуктов; изучению опыта Сингапура и Индонезии в области диверсификации и модернизации экономики, экосистемы интеллектуальной собственности и инноваций; использованию опыта Малайзии в области халяльных продуктов питания, финансовых технологий и исламских финансов. Он утверждает, что страны АСЕАН воспринимаются как менее агрессивные, чем крупные державы, и что АСЕАН не несет какого-либо негативного исторического бремени в Центральной Азии.

Видя успех АСЕАН в объединении малых государств, чтобы противостоять давлению со стороны более крупных сил, некоторые казахстанские аналитики предложили АСЕАН в качестве подходящей модели центральноазиатского регионализма с «неформальными» или «мягкими» характеристиками и сосредоточением внимания на консенсусе и консультациях, а не на формальной интеграции и институционализации.

С 1990-х годов успех «Азиатских тигров» рассматривался Казахстаном, а также другими государствами Центральной Азии как экономическая и политическая модель для подражания. Идея предоставления стипендии «Болашак» (пер. «Будущее») тысячам одаренных казахстанских студентов для обучения за рубежом пришла к президенту Назарбаеву, когда он посетил Сингапур в 1993 году и стал свидетелем достижений страны благодаря ее высокообразованным и квалифицированным кадрам. Фонд национального благосостояния «Самрук Казына» также был смоделирован по образцу сингапурской «Temasek», и другие стратегии, такие как доступное жилье и пенсионная система, изучаются на предмет возможного тиражирования.

В целом АСЕАН рассматривается как потенциальный экономический партнер для диверсификации внешних отношений и уменьшения зависимости от одной или нескольких заинтересованных сторон. Автор заключает, что пандемия вряд ли ослабит эту тенденцию и только усилит потребность Казахстана в поиске новых партнеров в АСЕАН.